



Траектория

Everybody Knows // Concrete Blonde (вступление)

Roots // Imagine Dragons

Young, Gifted, and Black // Nina Simone

The Most Beautiful Girl in the World // Prince

Hunger // Florence + the Machine

Let Me Blow Ya Mind // Eve (feat. Gwen Stefani)

Black Hole Sun // Soundgarden

Liggi // Ritviz

Heathens // Twenty-One Pilots

Physical // Dua Lipa

Umbrella // Rihanna (feat. Jay-Z)

She Will Be Loved // Maroon 5

Skin and Bones // Cage the Elephant

Lightning Crashes // Live

Blinding Lights // The Weeknd (окончание)

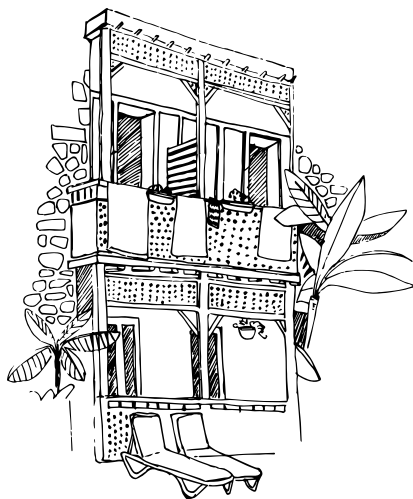
Предупреждение

Пожалуйста, обратите внимание, что эта книга содержит упоминание тем, которые могут задеть чувства некоторых наиболее впечатлительных читателей: о сексуальном и домашнем насилии, а также причинении телесных повреждений. Искренне надеюсь, что я затронула эти проблемы, как и подобает, с осторожностью. Предназначена для читателей 18 лет и старше.

Посвящение

Моим читателям. Вы впустили Потерянные души в свои сердца и сберегли их.
С любовью.

Часть I





ПРОЛОГ

РОНАН

- Назовите ваше полное имя для протокола.
- Ронан Август Венц.
- Возраст?
- Девятнадцать лет.
- Вы знаете, почему оказались здесь сегодня вечером, Ронан?

«Потому что это конец пути».

Детективы ждали ответа. Один выглядел низким и тучным, на нагрудном значке его значилось «Ковальски». Харрис был выше, с усами. Я сложил руки на груди и холодно взглянул на них, притворяясь, что комната для допросов с белыми стенами вовсе, черт возьми, не подавляла меня. На столе, возле толстой папки с моим именем, стояли пластиковые стаканчики с черным кофе. Висящая в углу камера уставилась на нас черным глазом. Все происходящее здесь записывалось.

Я упорно молчал, и детективы обменялись взглядами. Затем Харрис поднялся на ноги и встал за спиной коротышки Ковальски.

— Где вы были тридцатого июля около одиннадцати вечера?

— У себя в квартире.

— Что вы делали?

— Смотрел телевизор.

— С вами был кто-то еще?

— Нет.

Он кивнул на мои сбитые костяшки пальцев.

— Как это случилось?

— Не помню.

Дерьмовый ответ, но правда была не намного лучше.

Ковальски хмыкнул.

— Вы не помните?

— Разве вы можете спрашивать меня об этом без адвоката?

— А вам нужен адвокат, Ронан?

— Мы просто беседуем, — вмешался Харрис. — Ваши руки изрядно пострадали. — Он взял со стола мою папку. — Многие из тех, кто находился рядом с вами, мистер Венц, вдруг оказываются «поврежденными». Верно? Начиная с вашей матери.

Я напрягся и попытался собраться с духом.

— На мой взгляд, вы выросли в семье, где царит насилие, — небрежно продолжил детектив, бегло просматривая историю моей жизни: отчеты о поведении, полицейские доклады и заметки социальных работников за десять лет, что я провел в приемных семьях на условиях патронатного воспитания¹. — Здесь говорится, что, когда вам было восемь лет,

¹ Патронатное воспитание — одна из форм опеки над детьми, проживание у приемных родителей без юридического усыновления или удочерения.

ваш отец до смерти забил вашу мать бейсбольной битой.

Внутренне я ощутил, будто он пнул меня в живот. Но даже не подал вида, лишь кивнул.

— Он умер в тюрьме после драки на ножах с другим заключенным?

— Он получил что заслужил.

Неверный ответ.

Полицейские подняли брови. И обменялись очередным понимающим взглядом, в котором явно читалось: «Вот это уже кое-что».

— Вы ведь видели, правда? Как отец убил вашу маму?

Я вздрогнул, когда из могилы тут же попытались выбраться кровавые воспоминания. Они не умрут, как бы глубоко я их ни похоронил.

— Подобное зрелище неизбежно влияет на ребенка, — непреклонно заявил Харрис. — Это разозлило вас, Ронан?

— Настолько, чтобы выйти из себя?

— Говорят, что подобное насилие проистекает из семьи.

— Заложено в ДНК.

— Каков отец, таков и сын.

Последние слова повисли между нами, вытягивая кислород из воздуха. Мой худший страх высказали вслух. Я поерзал на стуле и промолчал.

— Вернемся к нашему делу, — наконец сказал Ковальски и повернулся, чтобы заглянуть в папку. — Здесь говорится, что в первый же день в Центральной старшей школе вы сломали нос Фрэнки Дауду.

— Он доставал моего друга.

— Значит, вы без предисловий ударили его по лицу?

— Миллер мог умереть, черт возьми.

— Миллер Стрэттон? — прочитал в отчете полицейский. — Во время инцидента он не был вашим другом. Вы ведь не знали его прежде, верно?

«А теперь он мой друг, придурок».

Я бы умер за Миллера Стрэттона. За Холдена Пэриша.

За Шайло...

В груди болезненно заныло. Ковальски стукнул по столу, чтобы вывести меня из задумчивости.

— Кажется, вы заслужили репутацию человека, склонного к беспричинному насилию. Верно?

Я напрягся, но промолчал.

«Я пытался. Старался поступать лучше. Стать лучше...»

— Давайте прогуляемся по тропе воспоминаний. — Харрис снова сверился с папкой. — За год в Центральной старшей школе вас отстраняли от занятий по меньшей мере шесть раз. Вандализм, нападение... Два месяца назад вы повздорили с отчимом Миллера Стрэттона. Подвесили его над балконом двухэтажного дома.

Я стиснул зубы. Я никого не подвешивал. Просто перегнул убудка Чета Хайленда через ограждение, чтоб отпугнуть от матери Миллера. И это сработало. Но что толку? Этих придурков не интересовала правда, ведь она не укладывалась в уже написанную обо мне историю. Кровью матери. И отца. В моих жилах текла его кровь.

Каков отец, таков и сын.

— Что скажете?

— Чет ему не отчим, — пробормотал я. — Он всего лишь бездельник, ударивший маму Миллера. Но вам ведь плевать на это.

Полицейские переглянулись.

— У вас проблемы с полицией?

На свободу вырвалось старое воспоминание. Сломленная, истекающая кровью мама пыталась забиться в угол, а отец стоял над ней с битой в руке...

«Ты подвел маму, и теперь она мертва», — подумал я. Но к кому я обращался? К полицейским или к самому себе? Они подвели ее, и я тоже. Я не смог ее защитить.

Как не сумел уберечь и Шайло.

Вина, гнев и горе, словно три обезьяны, сидевшие у меня на спине, пронзительно вскрикнули и завыли.

Ковальски одарил меня тяжелым взглядом.

— Ответьте на вопрос, сынок.

— Людям нужна помощь, — проговорил я. — Если им не помогаете вы, то вмешиваюсь я.

— Ну, речь ведь не об охране порядка. — Ковальски закатил глаза. — Чем поможет угроза сбросить человека с балкона?

Я усмехнулся.

— Но ведь после этого он оставил ее в покое, верно?

— А как насчет Фрэнки, два дня назад? Тогда вы тоже «помогали»?

— Я его не трогал.

— Вы не видели Франклина Дауда в ночь на тридцатое июля?

Я поерзал на стуле. Между лопаток, будто насекомое, поползла капелька пота.

— Я ничего не скажу.

— Ну же, Венц, — проговорил Харрис. — Не будем все усложнять. Мы ведь знаем, что произошло.

Ковальски принялся загибать пальцы.